

спрятанную внутрь слов морфему *бес*, а общее настроение передается через назойливо повторяющееся слово *беспокойно*. Слова с корнем *-жар-* (*жара, жаркий, с жаром, пожар* и др.) встречаются в романе 49 раз, т. е. тоже довольно часто. Действительно, подсознательно читатель начинает ощущать жар в атмосфере, болезненный жар Родиона Раскольникова и влияние бесов на преступление героя.

Тема бесов, inferнальных сил в прозе Ф.М. Достоевского прослеживается не только через пейзаж, но и через портрет. Латвийский исследователь Г.С. Сырица в первой главе книги «Поэтика портрета в романах Ф.М. Достоевского» анализирует ассоциативно-семантические связи в развитии образа черта и Христа в прозе Достоевского, а последнюю главу посвящает исследованию семантического поля слова *черт*. Г.С. Сырица делает справедливый вывод о том, что у Достоевского «библейские цитаты, аллюзии, реминисценции переводят изображение сиюминутного и временного в ранг вечного и вневременного» [3, с. 56].

Аллюзия на «Божественную поэму» Данте, без сомнения, еще более философски углубляет роман о человеческих грехах и их искуплении.

Литература

1. Данте Алигьери. Божественная комедия. М., 2005.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Полное энциклопедическое собрание сочинений: электрон. кн. / ИДДК, 2005.
3. Сырица Г.С. Поэтика портрета в романах Ф.М. Достоевского : моногр. М. : Гнозис, 2007.
4. Дурьлин С.Н. Пейзаж в произведениях Достоевского // Достоевский и мировая культура : альманах. 2009. №25. С. 476–508.

Landscape in the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment" as potential allusion on "The Divine Comedy" by Dante

There is illustrated the functional resemblance of the landscape in "The Divine Comedy" by Dante Alighieri and "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky. There is traced the idea of a devilish town in the implication of the Russian novel through frequent repetition of the morpheme "non-" in the words of different parts of speech.

Key words: "The Divine Comedy", "Crime and Punishment", landscape, image, allusion.

Л.В. КОСИНОВА (МАКСИМОВА)
(Волгоград)

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В КИТАЕ НА ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ (на примере китайского юмористического жанра «сяншэн»)

Описаны основные исторические этапы формирования китайского эстрадного юмористического жанра «сяншэн» и выявлены лингвистические особенности юмористических текстов на каждом из них. Прослежена взаимосвязь общественно-политической ситуации в Китае и характера юмористических текстов жанра «сяншэн».

Ключевые слова: *китайский юмористический жанр «сяншэн», юмор, цензура, коммунизм с китайской спецификой, лингвокультура.*

Под влиянием природных, политических, географических и других факторов складывается не только национальный характер, но и национальная комическая картина мира. Юмор разных народов имеет свою специфику, кроме того, он претерпевает изменения на разных исторических этапах развития общества. В данной статье мы ставим перед собой задачу проследить, как общественно-политическая ситуация в Китае и отношение к ней народа отражаются в юмористических текстах разных периодов.

Китайцы являются малоэмоциональной нацией, они не привыкли высказывать собственную точку зрения открыто, особенно по отношению к политике своей страны. Сяншэн очень любим китайской публикой, т.к. в нем отражаются мысли и чувства народа. Тексты сяншэнов менялись вместе с обществом в зависимости от внутренней ситуации в стране. Данное исследование является актуальным в связи с тем, что анализ текстов сяншэн помогает узнать истинное отношение китайского народа к событиям и изменениям, происходящим в обществе в тот или иной исторический период.

Китайские исследователи выделяют следующие исторические этапы формирования жанра «сяншэн»: традиционный (конец династии Цин), новый (после 1949 г.), современный (1980 г. – настоящее время) [4]. Рассмотрим каждый из выделенных этапов по отдельности.

Традиционные сяншэны возникли в конце династии Цин. В то время многие были недовольны действиями чиновников, но толь-

ко сяньшэнисты не боялись выражать свое негативное отношение к политике государства. Сяньшэн того времени отличался язвительностью, саркастичностью, резкими высказываниями. «Не весь юмор сяньшэнистов является ритмичным, легким, и свежим. В большинстве случаев, особенно до 1949 года, комический эффект достигается при помощи достаточно приземленных приемов. Шутки нередко принимали форму грубых оскорблений по отношению к другим артистам жанра “сяньшэн” или посторонним людям. Деревенские неотесанные мужланы высмеивались так, будто были калеками или умственно отсталыми. В то время женщины не допускались к прослушиванию сяньшэнов. Если мимо выступающих шла женщина, выступление останавливалось, пока она не удалится из зоны слышимости» [8, с. 95–97]. Во времена войны с Японией тексты артистов жанра «сяньшэн» были преисполнены анти-японскими настроениями. 张寿臣 (Чжан Шоучень) публично культивировал отрицательное отношение к японцам, поддерживая народного героя 吉鸿昌 (Дзи Хунчхан), выступавшего против Японии, и критиковал бездеятельность властей по данному вопросу. 常宝堃 (Чан Баокхунь) дважды был арестован за высмеивание японского правительства. Встречались и случаи критики артистами жанра «сяньшэн» Тяньцзиньской милиции [7].

侯宝林 (Хоу Баолин) также был одним из ярких представителей периода традиционных сяньшэнов, он считается лицом данной эпохи. В своих выступлениях он освещал то, что все знали, но боялись сказать. Сам он называл себя观众的仆人 «слуга для публики», люди перефразировали его выражение как观众的恩人 «добродетель для публики» [1]. Ниже проанализируем отрывки из его выступлений (侯宝林 《夜行记》).

乙 怎么啦, 民警对你态度不好啦?

甲 啊, 站那儿就嚷嚷:

“喂——便道走! 便道走!” “喂” 我有名有姓没有?

乙 人家知道你是谁呀?

甲 我知道他那是喊谁哪?

乙 那就是喊你哪!

甲 噢, 我姓“便”, 叫“道走”?!

乙 这叫什么人!

— *Что такое, тебя не устроило отношение милиционером к тебе?*

— *Ой, стоят там, кричат: «Эй, переходите*

на пешеходную дорогу! Переходите на пешеходную дорогу!». — *«Эй» — у меня что, нет имени и фамилии?*

— *Ну как же они узнают, кто ты такой?*

— *А я как узнаю, к кому они обращаются?*

— *К тебе, к кому же еще!*

— *Эх, разве моя фамилия «Напешеходную», а имя «Дорогупереходите»?!*

— *Ну что ты за человек! [1].*

В этом отрывке продемонстрированы невежественное отношение людей к правилам дорожного движения и пренебрежение указаниями милиционеров. Рассмотрим еще один отрывок из выступлений Хоу Баолина.

乙 “不是商量, 我问问是香蕉好不好?”

甲 “这儿不卖坏的, 全的好的。”

乙 “我怕它不熟。”

甲 “熟! 熟的到这儿就烂了! 吃熟的上广东!”

你买不买? 不买别瞎耽误工夫儿, 我好给别人拿!”

乙 “买呀!”

甲 “还是。你要多少?”

乙 “你给来二斤。哎, 挑点儿大的。”

甲 “嗯! 你要大的? 剩小的卖给谁呀? 你这人自私自利!”

乙 “谁自私自利呀? 那小个儿的我怕不甜。”

(Разговор на рынке)

— *Я не советуюсь, я спрашиваю: бананы хорошие или нет?*

— *Мы плохие не продаем, все хорошие.*

— *Я боюсь, что они неспелые.*

— *Спелые! Спелые бы уже давно сгнили. Хотите спелых — езжайте в Гуандун. Берете или нет? Если нет, то не тратьте время зря, я продам другим покупателям!*

— *Беру!*

— *Сколько?*

— *Килограмм. Выберите покрупнее.*

— *Хм, покрупнее? А мелкие я кому потом продам? Какой вы эгоистичный!*

— *Кто эгоистичный? Я боюсь, мелкие несладкие [5].*

В данном диалоге высмеиваются такие качества китайских продавцов, как хамство, грубость, наглость, жадность, эгоистичность, хитрость, а также беспомощность покупателей в подобных случаях: не купишь у этого продавца — следующий будет еще наглее, грубее. Китай занимает первое место в мире по численности населения, государство не может обеспечить всех работой и достойным заработком, многие прибегают к

обману соотечественников ради собственной наживы.

По данным нашего исследования, тексты сяньшэнов этого периода были наполнены сарказмом, в них преобладали следующие стилистические средства: гиперболы, сравнения, эпитеты, жаргонизмы, аллюзии, повторы, подражания.

Новые сяньшэны были написаны после 1949 г., вслед за провозглашением КНР и учреждением коммунистической партии. Тексты сяньшэнов значительно изменились: были отброшены агрессивные тексты с вульгарной лексикой, высмеиванием физиологических изъянов человека. Поскольку политикой китайской компартии было воспевание коммунизма, то требовались тексты, воспитывающие дух коммунизма в народе. «Известным фактом является то, что после революции главная функция китайских литературных и сценических произведений заключалась в социально выгодном воздействии на поведение и взгляды аудитории. Можно привести множество примеров, подтверждающих это; приемы для навязывания “правильных” взглядов достаточно очевидны» [8, с. 83]. В 1958 г. место аполитичных сяньшэнов заняли сяньшэны прославляющие, коммунистические. Приведем пример прославляющего сяньшэна (侯跃文《京九演义》).

甲:我今年才三十一呀。

乙:三十一? 那你这脸儿怎么这么些皱纹儿。

甲:这是石头粉儿呛的。

乙:脸也够黑了。

甲:露天干活儿的时候晒的。

乙:头发都白了。

甲:来的时候忘了洗头了。

乙:眼珠子都是红的。

甲:为了抢工期加班来着。

乙:怪不得显着这么老呐。

甲:可我们心里年轻着呢。

(Разговор со строителем дороги)

– Мне в этом году всего лишь тридцать один год.

– Тридцать один? А почему же тогда все лицо в морщинах?

– Это все из-за пыли от камня.

– И лицо все черное.

– Загорел, когда работал под открытым небом.

– Волосы все седые.

– Когда пришел, забыл помыть голову.

– Глаза все красные.

– Я работал сверхурочно, чтобы успеть побыстрее выполнить работу.

– Неудивительно, что ты кажешься таким старым [2].

Приведенный отрывок описывает добросовестного китайского строителя, погруженного с головой в работу. Слушатель этого сяньшэна смеется над такой отдачей строителя, но в то же время испытывает смешанные чувства: *жalousь* (работник тратит свое здоровье и молодость), *недоумение* (ради чего он это делает), *умиление* (образ наивного простодушного работника вызывает теплые чувства), *гордость* (за то, что работник трудится на благо общества). Комический эффект достигается здесь при помощи отклонения от нормы (обычно человек любит себя больше, чем работу). В сяньшэне восхваляется не только конкретный строитель, но и все китайские труженики, выполняющие тяжелую, грязную работу во благо китайского общества.

Помимо разрешенных, прославляющих сяньшэнов, в этот период сохранились также и высмеивающие. Артистам приходилось прибегать к метафорам, двусмысленности в разговоре о политике, чтобы значение их сатирических высказываний не было столь очевидно и чтобы сяньшэны прошли цензуру. Просматривая такие сяньшэны, работники цензуры не замечали или делали вид, что не замечали смысла, читаемого между строк. «Шутки сяньшэнистов, как правило, двусмысленны, и причина смеха, возможно, иногда отличается от той, которая получила официальное одобрение» [8, с. 85]. Вуалирование высмеивания политики проиллюстрировано в отрывке из сяньшэна «Шапочный завод». Само название сяньшэна является аллюзией к имени Маоцзедуна: на китайском языке слово *шапка* 帽子 *tao zi* созвучно с именем Маоцзедуна (Mao ze dun), носить шапки здесь имеется в виду «быть приверженцами политики Маоцзедуна»:

– Недавно...

– Да?

– ... возникли проблемы с продажей продукции одной фабрики.

– Развсуществуют такие фабричные товары, которые невозможно продать?

– Они никому не нужны!

– Что за продукт?

– Шапки [8].

Анализируя поверхностный смысл этого отрывка, слушатель получает информацию

о некоем «шапочном заводе», который выпускает некачественную продукцию. Однако использование омофонов порождает скрытый смысл. «Подобные двусмыслия формируют жанр “сяншэн”. Достаточно тяжело проследить комплексные механизмы комического воздействия в отрывках выступлений юмористов жанра “сяншэн”; возможно, никто из выступающих и слушающих не понимает в полной мере всех скрытых смыслов, вложенных в юмористический текст (за исключением автора)» [8, с. 88]. Приведем еще один отрывок из этого сяншэна:

– Ох! Правда? Кто же тогда.... не носит эти шапки?

– Любой, кто говорит «да, хорошо»....

– Да?

– ...постоянно предает, много врет, заметно подхалимничает (с м е х), тот и не должен носить эти шапки.

– О, так это нужно подхалимничать! (С м е х)

– Да, вот если, например, они скажут «брикеты угля белые»...

– Что? Брикеты угля белые? Бред! Это же кардинальная «подмена смыслов»!

– Ну да... по твоему скептическому мнению.....

– (Затруднительно) Эмм... хмм...

– А тебе нужно согласиться!

– Согласиться?

– Да!

– Брикеты угля? (И р о н и ч н о) Да они как новогодние клецки (белые) (с м е х) [8].

В этом отрывке прослеживается недовольство народа тем, что его заставляют подчиняться, придерживаться общих взглядов, подавлять в себе собственное мнение, опровергать очевидное.

Новые сяншэны в основном делились на прославляющие (ироничные, философские, с использованием эпитетов, метафор, гипербол) и высмеивающие (завуалированная критика, преобладание метафор, аллюзий, фразеологизмов).

Современные сяншэны появились после 1980 г. Среди них преобладают увеселительные сяншэны на нейтральные темы, не связанные с политикой [3, с. 241]. После культурной революции, внедрения в жизнь «политики открытых дверей» китайское общество стало активно перенимать тенденции Запада, в том числе и в юмористической сфере. После 1990 г. высмеивание или восхваление политики в текстах выступлений отошло на вто-

рой план. Артисты вернулись к увеселительным сяншэнам в чистом виде. Популярны стали развлекательные сяншэны на разные темы современности [3, с. 280]. Рассмотрим отрывок современного сяншэна (郭德纲《民以食为天》).

郭: 把那肉分分.

李: 对!

郭: 唉..把那蛋也分一下..

李: 唉..

郭: 对不起先生, 分不了!

李: 怎么呐?

郭: 你们八个人, 七个王八蛋!

(Восемь человек делят блюдо в ресторане)

– Мясо (черепахи) разделите нам поровну.

– Да.

– И яйцо тоже.

– Ай...

– Извините, господин, не получится!

– Почему?

– Вас восемь человек, семь идиотов! [6]

Слово *идиот* по-китайски звучит довольно-таки резко. Оно состоит из двух частей: *черепаха* и *яйцо*. Когда официантка произносила фразу *Вас восемь человек, а порций (черепашиего мяса с яйцом) семь*, то при написании и при слитном произнесении это звучало так: *Вас восемь человек, семь идиотов!* Юмористический эффект достигается при помощи каламбура.

Юмор современных сяншэнов близок к универсальному – при переводе на иностранный язык не теряется комический эффект. Во многом китайские юмористы пытаются подражать зарубежным, при этом теряя постепенно свою самобытность. Многие стали сравнивать сяншэн с американским жанром *stand-up comedy*. Однако сяншэн все еще выделяется как отдельный жанр. Современным сяншэнам свойствен грубый, жесткий юмор. Появился черный юмор, не характерный для китайской комической картины мира, среди лексического наполнения текстов сяншэнов преобладают каламбуры, сленг, неологизмы, заимствованные слова.

Таким образом, актуальные общественно-политические события Китая находят свое отражение в юмористических текстах.

Тексты традиционных сяншэнов говорят нам о готовящейся революции: в них открыто выражается недовольство правительст-

вом и общественной ситуацией. Новые сяншэны демонстрируют желание правительства подчинить себе людей и нежелание народа подчиняться: тексты, созданные для воздействия на общество, прославляли коммунизм, однако наряду с ними существовали и высмеивающие политический курс сяншэны. Тем не менее сяншэны уже не так открыто критиковали политику, что говорит о страхе народа перед государством. Юмор современных сяншэнов легкий, увеселительный, это объясняется спокойной политической ситуацией в стране. Активное межкультурное взаимодействие Китая с другими странами также отразилось на юмористических текстах, об этом говорят заимствованные слова, черный юмор, сленг.

Литература

1. 侯宝林. URL : http://santage.com/artists/2008/0828/article_6124.html (дата обращения: 19.04.2011).
2. 江中舟, 相声段子集锦. 上海: 上海文艺出版社, 2002.
3. 王泱, 中国相声史 / 王泱, 汪景寿, 藤田香. 北京: 北京燕山出版社, 1995.
4. 相声. URL : <http://baike.baidu.com/view/6749.htm> (дата обращения: 16.07.2009).
5. 相声小品网. URL : <http://www.xsxp.com> (дата обращения: 23.09.2009).
6. 相声集. 上海: 上海文艺出版社, 2007.
7. 薛宝琨, 中国的相声. 北京: 人民出版社: 新华书店发行, 1985.
8. Perry Link. The genie and the lamp: Revolutionary Xiangsheng // Chinese literature and performing arts in the People's Republic of China 1949–1979. California : University of California press, Ltd., 1984.

Influence of social and political situation in China on humorous texts (by the example of the Chinese humorous genre “xiangsheng”)

There are described the main historical stages of formation of the Chinese variety humorous genre “xiangsheng”. There are revealed the linguostylistic peculiarities of humorous texts at each stage. There is traced the correlation of social and political situation in China and the character of humorous texts of the “xiangsheng” genre.

Key words: Chinese humorous genre “xiangsheng”, humour, censorship, communism with Chinese specificity, linguistic culture.

Е.К. РЕВА
(Пенза)

ЭТНОКУЛЬТУРА НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Анализируются жанры художественной литературы, включенные в отечественные журналы «Смена» и «Дружба народов». Выявляются новые способы отражения национальной культуры в средствах массовой информации.

Ключевые слова: литературные традиции, интеграционные связи, журналистика, национальная культура.

Национальный вопрос, обладающий высокой степенью актуальности в современном обществе и науке, является основополагающим в работах С.А. Арутюнова, Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, А.Г. Здравомыслова, М.Н. Губогло, В.К. Мальковой, И.Л. Набока, Ю.П. Платонова, В.А. Тишкова. Лингвистический, социологический, психологический аспекты рассмотрения этнической проблемы не решают всех задач межкультурной коммуникации. В настоящей статье впервые предпринята попытка выявления особенностей этнокультуры в литературном материале периодической печати. Культура этноса, функционирующая в художественных текстах отечественных журналов, представляет собой объективную категорию отражения образа нации: национальных традиций, особенностей быта, проявлений национальной идентификации, – все это позволяет читателю сформировать беспристрастное отношение к народам Северного Кавказа.

Литература, являясь частью культуры, занимает важное место в процессе межнационального диалога. Взгляд на культуру других народов посредством рассмотрения их самобытности в художественных формах позволяет максимально приблизить читателя к познанию образа этноса, повышает продуктивность восприятия национального колорита. Эффективности межкультурной коммуникации способствует журналистика, которая, находясь в интеграционных связях с литературой в пределах периодического издания, служит коммуникативным источником, распространяю-